

ВСЕСВІТНЯ ІСТОРІЯ

УДК 63.3 (2) 47

Ю. І. Коломоець

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ В ШВЕЙЦАРИИ ЦЕНТРА РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В НАЧАЛЕ 1860-х гг.

Проанализирован процесс формирования в Швейцарии центра российской политической эмиграции.

Ключевые слова: эмиграция, Швейцария, А. Герцен.

Коломоець Ю. І. До питання про формування у Швейцарії центру російської політичної еміграції на початку 1860-х рр.

Проаналізовано процес формування у Швейцарії центру російської політичної еміграції.

Ключові слова: еміграція, Швейцарія, О. Герцен.

Политическая эмиграция является важной составной частью борьбы за изменение существующего строя в тоталитарных и авторитарных государствах. Задачи эмиграции, ее опыт используются организациями и партиями, вынужденными действовать в схожих условиях. Для российского освободительного движения 1860-е гг. стали переломными в связи с включением в борьбу новых слоев общества, расширением ее масштабов, появлением радикальных организаций, готовых использовать в своей борьбе самые крайние методы, включая террористические. Для политической эмиграции в Швейцарии данное время было периодом ее зарождения, формирования первых революционных групп, началом создания той операционной базы, которая достигла высшей точки своего развития в период революции 1905–1907 гг. Следует отметить, что в начале XX в., по данным Департамента полиции, в Западной Европе насчитывалось 20 тысяч, а в Женеве – 5,5 тысяч политических эмигрантов из России. В начале века Западная Европа оказалась настолько обжитой российскими революционерами, что обиходными становились выражения «губернский город Париж» и «уездный город Женева». Целые кварталы и улицы в западноевропейских городах, и особенно Швейцарии, стали местом обитания выходцев из России. А начиналось все в 1860-х гг. с десятков людей, принявших решение покинуть родину с тем, чтобы из-за границы продолжать свою борьбу против существовавшего режима. Именно формированию в Швейцарии одного из центров российской политической эмиграции и посвящена данная статья.

Характерной особенностью политической эмиграции вообще, и российской в частности, является ее концентрация вокруг вождей. В начале

1860-х гг. они, а в данном случае это А. Герцен и Н. Огарев, проживали в Англии, куда и направлялись в основном все выехавшие из России. Так, один из эмигрантов отмечал, что «быть за границей и не захватить в Лондон к Герцену считалось чем-то вроде непосещения Лувра в бытность в Париже» [8, с. 18]. По данным, выявленным в ходе «процесса 32-х» (дело о лицах, обвиняемых в отношениях с лондонскими пропагандистами), только в один вечер 18 июня 1862 г. у А. Герцена находились 15 человек, в том числе такие деятели, как М. Бакунин, В. Кельсиев, Л. Мечников и др., а 6 июля – 13, в том числе польские революционеры Браницкий и Чернецкий [8, с. 84].

Другие эмигрантские центры возникали ситуативно и на небольшой срок. Так, в 1862 г. на короткое время был организован эмигрантский центр в Гейдельберге, который посещало значительное количество студентов из России. Органы политического сыска отмечали, что в этом немецком городе была образована русская читальня, где желающие могли познакомиться с новинками революционной литературы [18, с. 137].

Изучение российской революционной эмиграции 1860-х гг. в отечественной исторической науке подобным же образом концентрировалось вокруг исследования ее деятельности именно в Лондоне. В работах Б. Козьмина [5], Н. Пирумовой [15], А. Кипермана [4] достаточно подробно освещена история эмиграции в Великобритании, поскольку именно там до 1865 г. проживали А. Герцен и Н. Огарев. Гораздо меньше внимания уделялось другим западноевропейским странам, в том числе и Швейцарии.

Следует отметить, что с начала 1860-х гг. достаточно резко увеличилось число политических эмигрантов из России. Основной причиной данного процесса можно считать усиление репрессий против участников революционного движения со стороны царских правоохранительных органов. Для иллюстрации приведем «Протест В. Касаткина», опубликованный в «Колоколе» в августе 1865 г. В. Касаткин, впоследствии один из старейших эмигрантов, отмечал, что «в начале июля 1862 г., больной, я уехал за границу с тем, чтобы, запасясь силами, вернуться домой через три, четыре месяца и приняться вновь за прерванное на время издание... Белый террор того времени в России заставил меня не спешить с возвращением и выждать в чем и за что меня обвиняют... Я перебрался в Лозанну и, не получая никаких вестей из России, остался в Швейцарии» [7].

Нужно все-таки подчеркнуть, в 1860-х гг. идея эмиграции с целью продолжения борьбы не была популярной в среде революционеров. Так, в тайной организации «Молодая Россия» под руководством П. Заичневского существовало резко отрицательное отношение к эмиграции, поскольку эмигранты перестают понимать особенности борьбы в России [17, с. 63]. Интересным, на наш взгляд, является рассуждение Н. Чернышевского о возможности эмиграции вообще. «Эмигрировать, – подчеркивал он, – значило бы для меня обречь свое семейство на великие страдания и муки. Надеюсь, кто знает меня, тот не усомнится, что мысль об этом не могла быть для меня слишком привлекательна... Не поеду за границу. Будь что будет»

[9, с. 303]. Можно поверить в искренность заявления Н. Чернышевского, поскольку уехавшие за границу очень сильно рисковали как в материальном, так и духовном плане. Об этом свидетельствует приговор по делу эмигранта Н. Жуковского, отказавшегося вернуться в Россию по требованию правительства. В нем отмечалось, что «бежавшего за границу Николая Жуковского заслушав призыву правительства, состоящее в неявке его в Россию, несмотря на делаемый ему вызов, лишить всех прав состояния и считать его изгнанным навсегда из пределов государства» [2, с. 191].

Таким образом, становление российской политической эмиграции в начале 1860-х гг. проходило в условиях, когда возможность уехать за границу варьировалась в диапазоне от единственно возможного до абсолютно неприемлемого выхода из ситуации.

Важно отметить, что несмотря на подобные воззрения в обществе и затруднения, связанные с возможностью отъезда вообще, в Швейцарии постепенно начинают появляться все больше в первую очередь молодых людей, готовых продолжать революционное дело из-за границы. Данный вывод подтверждается прежде всего жандармскими чиновниками, обязанными по роду службы следить за происходящим за пределами Российской империи. Так, жандармский генерал Н. Голицын отмечал, что «с 1860 г. Республика Швейцария стала мало-помалу сборным пунктом большого количества русских эмигрантов, анархистов и революционеров, в том числе некоторое количество молодых женщин, которые с первых шагов социалистического движения приняли серьезное и самоотверженное участие в деятельности анархистов [3, с. 8]. В связи с подобной оценкой неизбежно возникает вопрос, почему именно Швейцария стала с данного периода основным прибежищем выходцев из России? Ответ можно отыскать в документах тех же представителей царских правоохранительных органов. Так, чиновник Министерства внутренних дел В. Мещерский, побывав осенью 1864 г. в Швейцарии, отмечал, что «везде лучше, чем у нас, в смысле порядка и людей. И совсем независимо от политического мира. В Англии лучше при парламенте, во Франции лучше при... конституциях, в Швейцарии – при республике» [14, с. 403]. Генерал Н. Голицын вполне профессионально оценил причины формирования центра эмиграции именно в Швейцарии, подчеркнув, что «пребывание в стране, которая издавна служила местом единения для представителей наиболее радикальных политических идей, оказалось удобным и приятным; здесь-то именно начинают подготавливаться заговоры, отсюда отправляются эмиссары; Швейцария, в особенности Женева и Цюрих, становятся очагом пропаганды, уничтожить который русскому правительству было не в силах» [3, с. 8]. И еще одно замечание, которое касается выгоды проживания в Швейцарии для русских эмигрантов, не имевших, как правило, значительных денежных сбережений. По мнению экономиста М. Блокка, «финансовое положение швейцарского союза по справедливости считается одним из лучших» [1, с. 95].

Таким образом, к 1862 г. в Швейцарии было достаточное количество эмигрантов из России, которые хотели продолжать борьбу с царским самодержавием. Это – В. Бакст, Л. Рейнгартен, Я. Сабуров, Н. Жуковский, В. Касаткин, А. Стюарт и др. Начала формироваться первая «молодая» эмиграция, которая обязательно в конце концов должна была вступить в конфликт с более давними ее представителями. В конце осени 1862 г. именно на средства А. Стюарта в Берне была основана русская эмигрантская типография, которая в течение года издала семь революционных брошюр, предназначенных для транспортировки в Россию [4, с. 29]. Их вместе с изданиями «Вольной типографии» в Лондоне начали ввозить в различные города империи. Это были не первые, но достаточно активные действия российских эмигрантов, которые привлекли внимание правительства. Интересной в данном случае является записка историка, государственного деятеля, с 1861 г. управляющего вторым отделом собственной Его Императорского Величества канцелярии М. Корфа, который отмечал отсутствие необходимости в заставах и таможнях, препятствующих попаданию заграничной литературы «как потому, что все равно все заграничные издания расходятся в России в громадном количестве, так и потому, что это, наоборот, привлекает внимание к запрещенному плоду» [10, с. 367]. Трудности в работе типографии в Берне, в том числе финансовые и литературные, вынудили ее основателей поставить вопрос касательно объединения с герценовским изданием в Лондоне. Против данного слияния резко выступил А. Герцен, считая, что, во-первых «молодая» эмиграция еще не самостоятельна, во-вторых, из-за боязни при объединении потерять самостоятельность, в-третьих, будучи отрицательно настроенным к любому взаимодействию с организацией «Земля и Воля» и, в-четвертых, справедливо опасаясь, что все материальные расходы по изданию лягут на его плечи.

Итак, налицо был первый конфликт между «старой» и «молодой» эмиграцией. Таким образом А. Герцен полностью проигнорировал справедливое, с нашей точки зрения, замечание М. Бакунина, высказанное еще в 1860 г.: «Не должны ли вы иметь несколько единомыслящих людей в России, знающих край и одаренных практическим талантом и смыслом... Иначе вы будете всегда обмануты и потеряете всякую силу в России» [16, с. 66]. А. Герцен, по нашему мнению, полностью находился под впечатлением прокламаций «Молодой России», обвинявшей его в перерождении и отказе от революционных действий. Что-то весьма похожее впоследствии наблюдалось во время конфликта между «старой» и «молодой» фракциями российской социал-демократической эмиграции в конце 1890-х гг. И в том, и в другом случаях вожди эмиграции слишком длительное время проживали за границей, утрачивая связи с русской действительностью.

Ситуация еще более накалилась после приезда в Женеву в 1862 г. видного революционера, одного из руководителей организации «Земля и Воля» А. Серно-Соловьевича. Исследователь революционного движения М. Лемке дал ему следующую характеристику. «Он (А. Серно-Соловьевич. –

Ю. К.) принял самое деятельное участие в создании в Женеве... тесного круга, который своей готовностью и положением мог бы служить постоянным резервом пропагандистов в России» [8, с. 269]. Именно А. Серно-Соловьевичу удалось сплотить вокруг себя российских эмигрантов и значительно активизировать их деятельность. Именно он стал одним из инициаторов протеста русских эмигрантов против подавления польского восстания, напечатанного в июньском 1863 г. номере «Колокола». В этом документе подчеркивалось, что «нижеподписавшиеся русские, живущие в Швейцарии, ...протестуют против бесчеловечных мер Муравьева и других палачей, огнем, мечом, депортацией и грабежом опустошающих Польшу» [6]. С лета 1863 г. между женевскими и лондонскими эмигрантами при активном участии еще одного революционера Н. Утина начались переговоры относительно объединения. Осенью этого же года А. Герцен посетил Швейцарию и Италию, где встретился с русскими эмигрантами, обсуждая идею о слиянии. Н. Утин хорошо понимал необходимость формирования за границей единого центра, который бы координировал по возможности борьбу в России. В письме Н. Огареву в июле 1864 г. из Женевы он отмечал, что «на сию минуту, когда в самой России нет центра, все должны понять, какую важность получает здесь, за границей очевидный центр силы, оплот веры в силу» [11, с. 13]. Заканчивая письмо, Н. Утин еще раз призвал Н. Огарева и А. Герцена к переезду в Швейцарию [Там же, с. 13]. С нашей точки зрения, перемещение центра эмиграции в Швейцарию, особенно в Женеву, давало возможность усилить деятельность революционеров за счет опыта А. Герцена и энергии «молодых» эмигрантов. Это понимали и А. Герцен с Н. Огаревым, которые в Лондоне все больше оказывались оторванными не только от событий на родине, но даже и от свежей информации о происходящем там. Тем не менее, по информации правоохранительных органов, в Швейцарии эмигранты значительно активизировались. Так, по данным чиновника Министерства внутренних дел А. Мальшинского, в 1864 г. «в Женеве жили русские эмигранты, причастные к печатанию «Великоросса» в России, и бежавшие после восстания 1863 г. офицеры» [13, с. 68]. Они занимались, по его мнению, не только издательской, но и архивной деятельностью, готовя к печати секретные документы царской полиции. Об этом же писал и М. Бакунин А. Герцену в марте 1864 г., оценивая очень высоко, с точки зрения революционеров, бежавших в Швейцарию солдат и офицеров. Описывая одного из них, Погосского, М. Бакунин подчеркивал, что «я не знаю человека более способного печатно говорить с солдатами и, пожалуй, может быть, и с народом, чем он» [16, с. 155]. Вот почему в конце декабря 1864 г. они приняли решение о переносе издания «Колокола» в Женеву, и 28 декабря А. Герцен переехал в Швейцарию [12, с. 70]. Именно с этого времени на последующие 50 лет страна стала одним из главных центров российской политической эмиграции.

29 декабря 1864 г. в Женеве состоялся первый съезд российских эмигрантов. В нем приняли участие 15 человек, а именно: А. Герцен, Н. Утин, Л. Мечников, В. Касаткин, Н. Жуковский, А. Серно-Соловьевич, А. Черкесов, Л. Шелгунова, Н. Утина, В. Лучинин, С. Усов, В. Ковалевский, А. Стюарт, М. Гулевич и П. Якоби [12, с. 71].

На собрании были сразу же резко размежеваны позиции «старой» и «молодой» эмиграции. Главная причина конфликта заключалась в издательской деятельности и материальных вопросах. Согласно мнению Л. Мечникова, «молодая эмиграция» требовала, чтобы редакция газеты («Колокол». – *Ю. К.*) зависела от целой корпорации эмигрантов, которой должны быть переданы и фонд Бахметьева (в 1858 г. некий Бахметьев передал А. Герцену значительную сумму денег «на революцию». – *Ю. К.*), и суммы, обеспечивающие «Колокол» [Там же, с. 71]. Как видим, между эмигрантами начались финансовые трения, как и в «Союзе русских социал-демократов за границей», и в РСДРП в послереволюционный период. По всей видимости такие конфликты – удел в среде эмиграции. Как и в более поздние времена, «старые эмигранты» обвиняли молодежь в неспособности к литературному творчеству, поэтому не желали передавать в другие руки редактирование «Колокола».

Сам А. Герцен так оценивал происходящее на съезде: «Я больше уступал возможного и справедливого, но они («молодые». – *Ю. К.*) все что-то хлопчут и интригуют» [Там же, с. 77]. В итоге пришли к соглашению о том, что «Колокол» и средства на его издание остались в руках А. Герцена, а последний, в свою очередь, обязался расширить программные положения издания за счет новых, более радикальных идей «молодой эмиграции» [12, с. 79]. В целом съезд закончился ссорой, наложившей отпечаток на взаимоотношения эмигрантов вплоть до смерти А. Герцена (1870).

Таким образом, в начале 1860-х гг. в Швейцарии сформировался центр российской политической эмиграции: из Лондона перенесено печатание газеты «Колокол», переехали ее вожди А. Герцен и Н. Огарев, а в Женеву, Берн, Цюрих, Лозанну потянулись выходцы из России, желающие продолжения борьбы с существующим на родине строем.

Библиографические ссылки

1. Блок М. Сравнительное обозрение сил и богатства европейских государств / М. Блок. – СПб., 1863.
2. Глинский Б. Б. Революционный период русской истории (1861–1881 гг.) / Б. Б. Глинский. – СПб., 1913.
3. [Голицын Н. Н.] Хроника социалистического движения в России. 1878–1887. Официальный отчет / Н. Н. Голицын. – М., 1906.
4. Киперман А. Я. Разночинская революционная эмиграция (1861–1895): пособие по спец. курсу для студентов-заочников / А. Я. Киперман. – Тамбов, 1980.
5. Козьмин Б. П. Революционное подполье в эпоху «белого террора» / Б. П. Козьмин. – М., 1929.
6. Колокол. – 1863. – № 172 (1 июня).
7. Там же. – 1865. – № 200 (1 авг.).

8. Лемке М. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов»: По неизданным документам и материалам / М. Лемке.– СПб., 1908.
9. Лемке М. Процессы М. Михайлова, Д. Писарева, Н. Чернышевского / М. Лемке. – СПб., 1907.
10. Лемке М. К. Эпоха цензурных реформ 1859–1865 гг. / М. К. Лемке. – СПб., 1904.
11. Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. 1864–1867. – М., 1987.
12. Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. 1868–1870. – М., 1990.
13. [Мальшинский А. П.] Обзор социально-революционного движения в России / А. П. Мальшинский.– СПб., 1880.
14. Мещерский В. П. Мои воспоминания: в 3-х ч. / В. П. Мещерский. – СПб., 1897. – Ч. 1. (1850–1865 гг.).
15. Пирумова Н. М. «Русский социализм» А. И. Герцена / Н. М. Пирумова // Революционеры и либералы в России. – М., 1990. – С. 114–140.
16. Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. – Женева, 1895.
17. Политические процессы 60-х гг./ под ред. Б. П. Козьмина. – М.; Пг., 1923.
18. [Татищев С. С.] Революционное движение в России. Записка, составленная по Департаменту Полиции / С. С. Татищев. – Б. м., б. г.

Надійшла до редколегії 11.02.2014

УДК94(47+57)(092)

С. И. ПОЛЯКОВ

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ПОЛЕМИКА ВОКРУГ АДВОКАТСКОЙ ПРАКТИКИ В. И. УЛЬЯНОВА

Освещены наиболее распространенные версии, систематизирован круг вопросов, составляющих предмет, композиционное построение полемики об уровне профессионального мастерства В. И. Ульянова в Самарском окружном суде.

Ключевые слова: В. И. Ульянов (Ленин), лениниана, антилениниана, институт адвокатуры в дореволюционной России, присяжный поверенный, Самарский окружной суд.

Поляков С. І. Полеміка навколо адвокатської практики В. І. Ульянова.

Висвітлено найбільш поширені версії, систематизовано коло питань, які складають предмет, композиційну будову полеміки щодо рівня професійної майстерності В. І. Ульянова в Самарському окружному суді.

Ключові слова: В. І. Ульянов (Ленін), лєнініана, антилєнініана, інститут адвокатури в дореволюційній Росії, присяжний повірений, Самарський окружний суд.

В. И. Ульянов (в статье преимущественно употребляется настоящее имя, так как известный псевдоним Ленин вошел в широкое употребление значительно позже рассматриваемого периода) входит в число тех величайших личностей мировой истории, чья жизнь и деятельность была,